

Социализм и Анархия

Эррико Малатеста

август 1896

Оглавление

***		4
***		5

Когда обсуждаются вопросы морального и общественного порядка, главная трудность для нашего взаимопонимания зависит от различного и неопределённого значения, приписываемого словам. Каждая партия, а часто и каждый индивид, придаёт общим терминам различный смысл, и, что хуже, один и тот же индивид иногда использует одно и то же слово в ином и даже противоположном значении.

Так, например, *социализм* и *анархия* употребляются иногда как антагонистические термины, а иногда как синонимы. Есть те, кто борется с *индивидуализмом*, когда он означает «каждый сам за себя» буржуазного общества, а затем называют себя *индивидуалистами*, чтобы выразить свой идеал общества, в котором никто не угнетён и каждый имеет средства достичь полного развития своей индивидуальности. Есть те, кто сегодня борется с буржуазной безнравственностью, а завтра протестует против любой *морали*. Кто говорит, что *право* – это сила, а через мгновение хвалится тем, что является защитником права слабых. Кто насмехается над любой идеей жертвы и самоотречения, а затем объявляет себя – и показывает себя – готовым пожертвовать благополучием, свободой, жизнью ради блага будущего поколения.

И можно было бы сделать аналогичные замечания об употреблении слов *эволюция* и *революция*, *организация*, *администрация*, *авторитет*, *правительство*, *государство* и всех тех, что относятся к моральным и общественным проблемам.

Так и выходит, что многие справедливые вещи кажутся бессмыслицей из-за того, что их неудачно называют; и происходит много расколов между товарищами, которые в глубине души на самом деле согласны друг с другом. А напротив, люди с диаметрально противоположными идеями и устремлениями часто воображают, будто согласны, лишь потому, что пользуются одной и той же терминологией. Так же выходит и то, что под прикрытием какого-нибудь слова принимаются абсурдные и антиобщественные идеи, и что эгоистичные люди, настоящие злодеи, оказываются в одной компании с теми, кто, будучи добрым и великодушным, выставляет себя безнравственным из ничтожного тщеславия – лишь бы казаться оригинальным.

И не только этот недостаток ясного, общего и постоянного языка затрудняет понимание человека человеком, но даже путаница в выражении затуманивает в каждом ясность идеи и в конце концов мешает ему понять самого себя. Как пример – весьма прискорбный, конечно! – некоторые наши газеты, которые кажутся написанными обитателями легендарной Вавилонской башни и в которых обычно каждый писатель показывает, что не знает, что хочет сказать, и что имеет лишь смутное и неясное видение туманного идеала, который не умеет перевести в понятные термины.

Определим же слова, которыми пользуемся.

Я не утверждаю, что смысл, который я придаю различным терминам, является *истинным*. Значение слов всегда есть вещь условная, и его может установить только общее и постоянное употребление большинством. Но обычно случается, что когда слово было изобретено для обозначения данной идеи, все изменения и отклонения, которые происходят затем в его значении, имеют между собой логическую связь, позволяющую восходить к первоначальному смыслу или достигать общего значения, соответствующего более или менее сознательной мысли всех. Этот общий фон в различных значениях, в которых сегодня употребляются некоторые слова, – это то, что я стараюсь определить, чтобы сделать идею более ясной, а обсуждение более простым. Как бы то ни было, мои определения, если не послужат ни для чего другого,

послужат тому, чтобы хорошо понять, что я хочу сказать, и, быть может, дадут пример точного языка, который другие смогут разработать лучше.

В изучении общества и в идеальных построениях нового общества, которые можно сделать, есть два пункта, которые следует рассмотреть: 1) моральные или юридические отношения, как угодно, между людьми, то есть цель, которая приписывается общественному сожителю; 2) форма, в которой эти отношения воплощаются, то есть способ организации, обеспечивающий соблюдение соответствующих прав и обязанностей, метод, с помощью которого стремятся к осуществлению цели, поставленной перед обществом.

С первой точки зрения общество можно мыслить тремя основными способами: 1) Либо как масса людей, рождающихся и живущих, чтобы служить одному или немногим индивидам, привилегированным по праву завоевания, замаскированному затем мнимым божественным правом; и это *аристократический* режим, по существу исчезнувший в наиболее передовых странах и постепенно исчезающий в остальном мире. 2) Либо как сожителю индивидов, изначально и теоретически равных, которые борются друг против друга, каждый чтобы захватить как можно больше богатства и власти, пользоваться чужим трудом и подчинить других своему господству: это *индивидуализм*, который господствует в сегодняшнем буржуазном мире и порождает все общественные беды, на которые мы сетуем. 3) Либо как узы солидарности между людьми, каждый из которых сотрудничает с другими во имя наибольшего блага всех; как средство обеспечить всем максимальное развитие, максимальную свободу, максимально возможное благосостояние; это *социализм*, идеал всех искренних и просвещённых друзей человеческого рода.

Со второй точки зрения есть ещё три основных способа общественной организации, три метода, три политических устройства: 1) Исключительное господство одного или немногих (*абсолютная монархия, цезаризм, диктатура*), которое навязывает другим свою собственную волю – либо в своих собственных интересах и интересах своей касты, либо с намерением, которое может быть даже искренним, сделать добро для всех. 2) Так называемый народный суверенитет, то есть закон, созданный от имени народа теми, кого народ избрал. Этот закон представляет, теоретически, волю большинства, но на практике является результатом ряда сделок и фикций, из которых выходит искажённым всякое подлинное выражение народной воли. Это *демократия, республика, парламентаризм*. 3) Прямая, свободная, сознательная организация общественной жизни, создаваемая и изменяемая, когда это необходимо, всеми заинтересованными, каждый в сфере своих интересов, без фиктивных представительств, без бесполезных уз, без произвольного навязывания; и это *анархия*.

Различные концепции сущности и цели общества сочетаются по-разному, как в истории, так и в партийных программах, с различными формами организации. Так, мы можем иметь аристократическое общество с монархическим, республиканским или даже анархическим режимом. Буржуазное или индивидуалистическое общество

существует при монархии и при республике, и некоторые из его защитников даже являются анархистами, ибо желают, чтобы не было правительства или чтобы его было как можно меньше. Так же и с социализмом, который одни намереваются осуществить посредством диктатуры, другие – посредством парламентаризма, третьи – посредством анархии.

Однако, хотя ошибки людей и действия и противодействия исторических факторов могут определять и фактически определяли самые невероятные сочетания между общественными устройствами и политическими формами несогласной природы, несомненно то, что цели и средства тесно связаны, что каждой цели соответствует средство, которое лучше ей подходит, и что каждое средство стремится осуществить цель, которая ему естественно подходит, даже без воли или против воли тех, кто его применяет.

Монархия – наиболее подходящая политическая форма для того, чтобы заставить уважать привилегии замкнутой касты; и потому всякая аристократия, каковы бы ни были условия, в которых она сформировалась, стремится установить монархический режим, чистый или смешанный, как всякая монархия стремится создать и сделать фиксированным и всемогущим аристократический класс. Парламентская система, то есть республика (ибо конституционная монархия в действительности есть лишь промежуточная форма, в которой функция парламента ещё затруднена монархическими и аристократическими пережитками), есть политическая система, которая лучше всего соответствует буржуазному обществу; и всякая республика стремится к образованию буржуазного класса, как, с другой стороны, буржуазия в глубине души, путь даже и не на словах, всегда республиканка.

Но какая политическая форма лучше всего подходит для осуществления принципа солидарности в человеческих отношениях? Какой метод наиболее верно может привести нас к полной и окончательной победе социализма?

Конечно, на этот вопрос нельзя дать абсолютно надёжного ответа, ибо, когда речь идёт о неосуществлённых вещах, логическим выводам необходимо недостаёт проверки опытом. Мы должны, следовательно, довольствоваться решением, которое, по-видимому, имеет в свою пользу наибольшую сумму вероятностей. Но если какое-либо сомнение, которое всегда остаётся в уме при исторических прогнозах и которое в конце концов есть открытая дверь в мозгу для новых истин, должно располагать нас к широкой терпимости и самой сердечной симпатии к тем, кто стремится другими путями прийти к той же цели, оно не должно, с другой стороны, парализовать наше действие и мешать нам выбрать наш путь и решительно следовать по нему.

Существенная черта социализма – применяться одинаково ко всем членам общества, ко всем человеческим существам. Никто не должен иметь возможности эксплуатировать чужой труд посредством захвата политической власти: экономическая эксплуатация и политическое господство суть два аспекта одного и того же факта – подчинения человека человеком, и всегда разрешаются одно в другом.

Итак, для достижения и закрепления социализма необходимо средство, которое не могло бы в свою очередь быть источником эксплуатации и господства и которое вело бы к организации, насколько возможно соответствующей интересам и разнообразным и изменчивым предпочтениям различных индивидов и человеческих групп. Этим средством не может быть *диктатура* (*монархия, цезаризм* и так далее), ибо она заменяет волю и разум всех волей и разумом одного или немногих; стремится навязать всем единое правило, несмотря на различие условий; создаёт необходимость вооружённой силы, чтобы принудить несогласных к повиновению; порождает антагонистические интересы между массой и теми, кто ближе к власти; и кончается либо победоносным бунтом, либо укреплением правящего класса, который затем естественно становится также классом собственников. Также не кажется хорошим средством *парламентаризм* (*демократия, республика*), ибо он равным образом заменяет волю всех волей немногих и, если с одной стороны оставляет немного больше свободы, чем диктатура, то с другой стороны создаёт большие иллюзии и во имя фиктивного коллективного интереса попирает всякий реальный интерес и противоречит, через механизм выборов и голосований, воле каждого и всех.

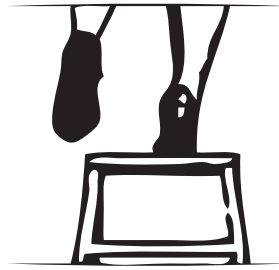
Остаётся свободная организация, снизу вверх, от простого к сложному, посредством свободного договора и федерации производительных и потребительных ассоциаций, то есть *анархия*. И это тот метод, который мы предпочитаем.

Для нас *социализм* и *анархия* не являются ни противоположными, ни равнозначными терминами; это термины, тесно связанные, как цель с её необходимым средством, как содержание с формой, в которой она воплощается.

Социализм без анархии, то есть государственный социализм, кажется нам невозможным, ибо он был бы разрушен тем самым органом, который предназначен его поддерживать.

Анархия без социализма равным образом кажется нам невозможной, ибо в таком случае она не могла бы быть ничем иным, как господством сильнейших, и тотчас привела бы к организации и укреплению этого господства, то есть к установлению правительства.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Социализм и Анархия
август 1896

Оригинальное название – «Socialismo ed Anarchia». Из единственного номера
«L'Anarchia», Лондон, август 1896.

ru.anarchistlibraries.net